

Юнь Тин за сто лет, проведенных в затворничестве, заметно подрос, поэтому младшие братья-ученики не сразу его узнали.

Некоторые из наиболее импульсивных старейшин, не слушая призывов к спокойствию, вскочили со своих мест и бросились в бой. Взмахи их мечей были настолько яростными, что разрубили пополам несколько каменных колонн. В момент падения обломков поднялось густое облако пыли, которое тут же окутало Юнь Тина.

Ши Сюньлюй, преодолевая острую боль, на рефлекс прижал голову Юнь Тина к своей груди, широким рукавом защищая его от летящей крошки.

Юнь Тин, почувствовав это, довольно прищурился, словно сытый котенок, крепко вцепился в край его одежды и, обдавая ухо теплым дыханием, тихо, но искренне прошептал:

— Не бойся, я тебя защищу.

Сердце Ши Сюньлюя сжалось. Он невольно накрыл ладонью руку юноши, часто дыша. Глядя в чистые, ясные глаза Юнь Тина, он почувствовал, как холодный расчет, который еще недавно владел им, начал таять, словно снег под солнцем. Он сам не мог разобраться в своих чувствах, поэтому спустя долгое время лишь глухо произнес:

— ...Будь осторожен.

Юнь Тин коротко кивнул, высвободил руку и, не оглядываясь, широким шагом направился в гущу схватки.

Ши Сюньлюй заворуженно смотрел на его спину, на то, как легко он увернулся от удара мечом. Зрачки его расширились, в глазах промелькнуло сложное, темное чувство. Он прижал руку к груди, ощущая, как внутри разливается неведомое прежде волнение.

Юнь Тин полностью погрузился в бой. Слегка нахмурившись, он изящно крутанулся, оказываясь за спиной Цин Шана. Длинная лента, украшавшая его наряд, словно живая, обвилась вокруг талии противника, и Юнь Тин, едва коснувшись носками земли, направил поток духовной энергии, с силой отшвырнув Цин Шана прочь.

Раздался глухой удар. Еще один повержен в мгновение ока.

Ученики, наблюдавшие за происходящим, вытаращили глаза. Их изумление было столь велико, что слова не могли его описать. Никто не мог заставить себя отвести взгляд от Юнь Тина.

Его гибкий стан, подобный иве, позволил ему прогнуться и уклониться сразу от шести летящих мечей. С усмешкой он взмахнул ногой, подбрасывая их в воздух. Его движения были быстрыми и отточенными, словно танец дракона. Лента, которая казалась такой хрупкой, теперь с легкостью подхватила взмывшие ввысь клинки. Юнь Тин поймал два из них, его черные

волосы, до этого собранные шпилькой, разметались по плечам. Вращаясь, он создал вокруг себя вихрь лезвий и бесстрашно бросился на оставшихся четырнадцать противников.

Когда меч Юнь Тина почувствовал жажду крови врагов, из его острия вырвалась мощная волна духовной энергии, в воздухе мгновенно сформировался огромный магический круг. Юнь Тин, зависнув вниз головой и вытянувшись струной, словно сосна, прижал четырнадцать старейшин к земле. Те, практически лишенные возможности сопротивляться, лишь выставили вперед руки, пытаясь сдержать напор. Их брови сошлись на переносице, а ноги глубоко увязли в каменном полу.

Движения Юнь Тина поражали своей взрывной мощью. Со стороны казалось, что он, окруженный со всех сторон, находится в заведомо проигрышном положении, но в считанные секунды он перевернул ход боя. Если бы среди атакующих не было их собственных наставников, ученики наверняка вскочили бы с мест, чтобы разразиться овациями.

Юнь Тин вошел во вкус. Ему хотелось, как в детстве, прижать братьев к земле и заставить их плакать от досады, совсем забыв о том, что многие из них давно стали уважаемыми учителями и нуждаются в сохранении авторитета перед своими учениками.

Он укладывал их одного за другим, а когда наигрался — раскидал пинками. Цин Шан, чье мастерство было слабее остальных, лежал на земле, не в силах подняться. Юнь Тин вонзил созданный из духовной энергии меч прямо рядом с его лицом, и вырвавшиеся искры ци оставили на щеке старейшины несколько порезов.

Утомившись, Юнь Тин, как в былые времена, уселся верхом на поверженного Цин Шана, наклонился к нему и удивленно хмыкнул:

— Почему ты не плачешь?

Цин Шан, прижимая руку к груди, сплюнул кровь, злобно сверкнул глазами и отвернулся:

— С чего бы мне плакать? Убивай или милуй, делай что хочешь!

Юнь Тин потер подбородок:

— Вот как? Тогда, если я сейчас расскажу Учителю, что ты случайно сжег его редчайшие трактаты, заменив их любовными романами, ты тоже не заплачешь?

— Ты! — Цин Шан хотел было взмолиться о пощаде, но вдруг что-то осознал. Он расширил глаза, пристально вглядываясь в лицо Юнь Тина, и нерешительно прошептал:

— Старший брат?

Юнь Тин надул щеки:

— Только сейчас узнал?

— Я... — Цин Шан, который был готов разрыдаться от обиды, вдруг вспыхнул: — Ты в женском платье, под вуалью, кто вообще мог тебя узнать?!

Юнь Тин охнул, вскочил на ноги, отряхнул пыль и, подхватив подол, крутанулся на месте. Его лицо выражало крайнюю степень мучительного раздумья.

Такое красивое платье — и оказывается, его могут носить только девушки!

Каким бы наивным ни был Юнь Тин, он все же понимал, что мужчине не стоит носить женскую одежду.

Подумав об этом, он перестал обращать внимание на своих братьев, которые с гримасами боли поднимались с пола, и украдкой взглянул на Ши Сюньлюя. Встретившись с его сложным взглядом, он оробел и не решился подойти.

Что же делать, что делать, это катастрофа!

Вдруг он подумал, что я извращенец, который крадет женские платья?

Я ведь так хотел принарядиться, чтобы произвести впечатление, а в итоге выставил себя на посмеище.

Стиснув кулаки, Юнь Тин, придерживая платье, с грозным видом бросился к Му Яню, который пытался прийти в себя, и, схватив его за воротник, прошипел сквозь зубы:

— Гадкий братец, ты опять меня разыграл!

Му Янь на самом деле узнал его с первого взгляда, но молчал, желая проверить, до какого уровня дошло мастерство старшего брата. И сегодня он убедился: как ни крути, а тягаться с ним все еще невозможно. Услышав гневные слова Юнь Тина, он глухо рассмеялся и, что случилось крайне редко, попросил пощады:

— Старший брат, я был неправ, больше не буду.

Юнь Тин не купился на это. Му Янь только с виду казался послушным, а на деле был хитрее всех — в детстве он постоянно над ним подшучивал. Юнь Тин насупился, словно рассерженный кот, и отчеканил:

— Тебе конец.

Последствия его гнева всегда были очень, очень серьезными.

Прежде чем Юнь Тин успел устроить кровавую расправу, Мин Хуэй открыл глаза. Его величественный, глубокий голос разнесся по всей арене:

— Довольно, прекратите бой. Одиннадцатый, иди к Учителю.

В те времена, когда Мин Хуэй позволил ученикам самим выбирать себе почетные имена, все брали что-то вроде Цин Янь или Цин Шан. Юнь Тин не любил размышлять и читать книги, поэтому не смог придумать ничего возвышенного. Как раз тогда он освоил одиннадцатый уровень своей техники и просто взял себе имя Одиннадцатый. Позже он решил, что звучит оно ужасно, и запретил всем называть его так под страхом побоев.

Надо сказать, он был весьма своенравным.

В этом мире только Мин Хуэй и другие Бессмертные Владыки осмеливались так к нему обращаться.

Услышав свое имя, Юнь Тин замер, словно промокший щенок. Вся его воинственность мгновенно улетучилась. Нехотя отпустив Му Яня, он оглянулся на раненого Ши Сюньлюя, медленно, постоянно оглядываясь, подошел к Мин Хуэю и неуклюже поклонился:

— Учитель.

Мин Хуэй кивнул, сошел со своего места, прошептал что-то на ухо Владыке Мин Цюну и, получив его одобрителный знак, подошел к Юнь Тину. Он внимательно оглядел его с ног до головы и, поглаживая седую бороду, с легким вздохом произнес:

— Вышел из затворничества?

Юнь Тину хотелось о многом рассказать Учителю, но он то и дело бросал взгляд на Ши Сюньлюя, который с трудом поднимался, опираясь на руины. Он открывал рот, но слова застревали в горле, и он лишь нервно тербил пальцы.

Мин Хуэй, заметив его беспокойство, потрепал его по голове, успокаивая, а затем подозвал ученика и что-то приказал ему. Ши Сюньлюя увели.

— Сначала пусть его подлечат, остальное обсудим позже. Мне нужно с тобой поговорить.

Мин Хуэй развернулся и, не спрашивая согласия Юнь Тина, направился в боковой павильон. Юнь Тин почесал затылок, по пути снова оглянулся на Ши Сюньлюя и, заметив, что тот тоже смотрит на него, невольно расплылся в улыбке. Его глаза превратились в сияющие полумесяцы — зрелище было невыразимо милым. После этого он послушно последовал за Мин Хуэем и скрылся в павильоне.

Ши Сюньлюя тем временем привели в другой павильон. Улыбка Юнь Тина не выходила у него из головы, сердце бешено колотилось. Пока его раны обрабатывали, он не удержался и спросил:

— Позвольте спросить, достопочтенный, тот юноша, что был там — ученик главы Мин Хуэя?

Белоснежный целитель, что занимался его ранами, служил у Цин Шана всего несколько десятков лет и не знал Юнь Тина. Видя, как его собственный учитель лежит в крови и лишился всякого достоинства, он был в ярости и решил выместить злобу на Ши Сюньлюе. Он одарил его

презрительным взглядом и так сильно затянул бинт, что Ши Сюньлюй, подавив стон, замолчал.

— Кто знает, где глава нашел такого ученика? Хотя мастерство у него высокое, он все время носит вуаль. Наверное, потому, что лицо его уродливо, вот и приходится скрывать!

— Ты врешь! — Ши Сюньлюй, морщась от боли, возразил, его голос дрожал: — Она вовсе не страшная!

Целитель не удостоил его ответом, подхватил сумку и ушел, оставив Ши Сюньлюя в полном замешательстве.

Оставшись один, Ши Сюньлюй начал размышлять над личностью Юнь Тина. Вспомнив, как тот улыбнулся ему издали, он вдруг подумал, что тот очень похож на кого-то, но вспомнить не мог.

На кого же?

Ши Сюньлюй тер подбородок, погружившись в глубокие думы. Его взгляд затуманился, разум блуждал, и вдруг в памяти всплыл тот поцелуй с Юнь Тином в персиковом саду. Сердце пропустило удар. Он яростно замотал головой, пытаясь выкинуть образ Юнь Тина из мыслей.

Осознав, насколько глупо думать о мужчине, Ши Сюньлюй стал белее мела. Он проклинал себя, заставил закрыть глаза и несколько раз представил Юнь Тина в женском платье. Убедившись, что его ориентация медленно возвращается в нормальное русло, он с облегчением выдохнул.

Что за вздор! Он, взрослый мужчина, разве может стать «другим» из-за какого-то персонажа?!

Он, Ши Сюньлюй, даже если умрет, даже если сгинет в чужих краях, ни за что на свете не полюбит мужчину!

Ши Сюньлюй еще не осознавал, насколько глупы его рассуждения. А в это время в другой части павильона Юнь Тин получил новость, которая для него прозвучала как гром среди ясного неба. Он отступил на несколько шагов, округлив глаза, и в полном недоумении уставился на Мин Хуэя:

— Учитель, вы хотите сказать, что он — мое любовное испытание?!

Перед Мин Хуэем парил огромный полупрозрачный компас, который медленно вращался против часовой стрелки, излучая призрачный свет. В нем отражались мириады звезд, и, если присмотреться, можно было разглядеть очертания созвездия Большой Медведицы. Свет компаса освещал слегка постаревшее лицо Мин Хуэя.

Встретившись с потрясенным взглядом Юнь Тина, Мин Хуэй прервал свои вычисления и медленно кивнул. Рядом с ним на столе лежали разбросанные монеты, а черепаший панцирь для гадания треснул и рассыпался в прах.

Это предзнаменование — великое зло.

Это испытание — не пройти.

<http://bllate.org/book/19526/1914578>